

Розовое и черное изъ моей жизни.

V.

И такъ, мои мечты, наконецъ, сбылись—я поѣхала за границу, чтобъ заниматься философiей.

Почему этого нельзя было сдѣлать въ Россiи?

Кончивши курсы, я, было, вздумала изучать по философiи то, что проходится въ университетѣ. Братъ досталъ записки, и я обратилась къ проф. Вл. съ просьбой указать мнѣ, что читать. Очень пространно и любезно отвѣчалъ профессоръ: назвалъ Платона, Канта и перечислилъ ихъ сочиненiя.

И вотъ я написала второй разъ, сказала, что все это уже читала, послала кое-что о Кантѣ (о времени и пространствѣ) и вложила свое желанiе держать у него на дому переходные студенческiе экзамены.

Тогда Вл. замолчалъ. Но этого было мало. Онъ поступилъ гораздо хуже, именно, повѣдавъ моему брату, будто я желаю познакомиться съ нимъ, Влад. Какъ я была тогда глубоко возмущена! Слышала, что Вл. уродъ, и имъ-то всего менѣе приходило мнѣ въ голову интересоваться. Какъ могъ онъ знать, въ какихъ отношенiяхъ я съ братомъ-студентомъ? Положимъ, что мы были дружны и братъ сочувствовалъ моему желанiю учиться. Но могло быть и иначе.

Такого поступка я не простила и рѣшила разъ навсегда ни къ кому изъ русскихъ философовъ никогда уже больше не обращаться.

Жалко, что впоследствии опять же въ П. я измѣнила этому слову и обратилась къ замѣстителю Вл.

Вотъ какъ русскіе философы, думалось мнѣ тогда! Не понимаютъ, что можно интересоваться самымъ дорогимъ и лучшимъ, что существуетъ на землѣ, и унижаютъ не только философію, но и самихъ себя.

По прїѣздѣ въ Л. я рѣшила обратиться съ проф. Гейнце, съ трудомъ котораго „Исторіей философіи“ Ибервега я была знакома.

Просто и легко все тамъ сдѣлалось. Гейнце я попросила устроить мои занятія. Рѣчь шла лишь о книгахъ, а не о лекціяхъ въ университетѣ. Въ то время женщины не допускались даже вольнослушательницами, а проникали въ университетъ лишь контрабандой.

Добродушно и внимательно выслушалъ меня милый нѣмецъ, тотчасъ же написалъ что-то на бумажкѣ.

Бумажка эта оказалась поручительствомъ за меня, пришедшую къ нему съ улицы безъ малѣйшей рекомендаціи.

И на основаніи этой бумажки университетская бібліотека стала мнѣ выдавать столько книгъ, сколько я желала! Перегруженная ими, добралась я до своей квартиры, соображая, какой чудный и добрый Г. и какъ прекрасно устроена эта бібліотека, мой кладъ знанія.

Она дѣйствительно устроена образцово. Вручается неограниченное число росписокъ, и заполнивъ каждую названіемъ книги и своей фамиліей, опускаешь ихъ въ большой наружный ящикъ. Въ тотъ же день выдаются книги, и если онѣ взяты, то получаешь ихъ, когда вернетъ взявшій.

И надоѣла же я маленькому толстому рыжему бібліотекарю, думаю, невѣроятно, хотя онъ былъ всегда прїятливъ, какъ и студенты, которыхъ я встрѣчала въ бібліотекѣ. Въ одну зиму я перечитала не одну, а много сотенъ книгъ.

Г. неофициально разрѣшилъ мнѣ слушать его лекціи, а онъ считался однимъ изъ самыхъ популярныхъ лекторовъ.

И вотъ разъ я побѣдила свою робость и усѣлась въ обширной аудиторіи на одной изъ выдавшихъ виды, старыхъ скамеекъ. Не была я рада своей жизни, что усѣлась. Очень долго не могла я забыть своего впечатлѣнія отъ бушевавшихъ вокругъ меня студентовъ. Они расхаживали по скамейкамъ, боксировали, неистово свистали, хлопали руками и ногами.

Только, когда вошелъ Г., я почувствовала себя подъ охраной, но все же рѣшила въ университетъ болѣе ни ногой.

Меня ли они такъ прїѣтствовали, или всегда такъ шумѣли, я никогда не узнала.

Я еще не объяснила, почему изъ Ж. поѣхала не въ Цюрихъ, а въ Л., такъ какъ въ Ц. я могла бы учиться правильно.

Не хотѣлось огорчать отца или разставаться съ нимъ нравственно, именно потому, что я была свободна. Онъ, вѣдь, не мирился съ мыслью, что въ Ц. анархисты, и я съ ними сойдуся.

Л. считался первымъ тогда университетскимъ городомъ въ Германіи (теперь Берлинъ), а тамъ къ тому же была учительницей наша бывшая бонна-нямка, и я ее очень любила и рассчитывала у нея поселиться.

Въ то лѣто, когда я ѣдила изъ Ж. въ Б., тамошній профессоръ философіи Геблеръ сказалъ мнѣ, что въ Бернскомъ университетѣ не обязательны 6 семестровъ, а принимаются диссертациі безъ зачета семестровъ или можно нигдѣ не учиться, а представить диссертацию (и провалиться).

И вотъ эти слова витавшаго въ небесахъ мечтателя-идеалиста, какимъ былъ Геблеръ, произвели на меня впечатлѣніе, и еще въ Ж. я рѣшила, что буду писать въ Л. диссертацию

Мнѣ не приходило въ голову, что это самонадѣнно и даже дерзко, а представлялось просто и интересно. Прочту самихъ философовъ (то было моею давнишней мечтой, т. к. читала я только Канта и Платона) и напишу о томъ, о чемъ мнѣ захочется писать.

Обыкновенно тема для диссертациі избирается профессоромъ, докторантъ лишь выполняетъ ее.

Я объ этомъ не помышляла, а витала въ облакахъ.

Правда, что я долго не могла остановиться на выборѣ темы. Сначала собиралась писать о Майнлендерѣ, одномъ изъ послѣдователей Шопенгауэра, второстепенномъ, если не третьестепенномъ философѣ. Пессимизму я не сочувствовала: это міровоззрѣніе не вязалось съ моею любовью къ знанію и къ работѣ.

Потомъ выбрала Плотина, крайняго идеалиста и мистика. Эта тема давала мнѣ возможность разобратъся во всей греческой философіи и изучить отчасти средневѣковую. Такъ я на ней и остановилась. Гораздо позже узнала я, что Пл. былъ излюбленнымъ конькомъ русскихъ философовъ, и работа ненавистнаго мнѣ Вл. была о немъ. Видно, что-то влекло къ нему насъ, русскихъ.

Я вся ушла въ работу. Дни раздѣлялись на умные и глупые, а не на пріятные и непріятные. То, къ чему я стремилась 15 лѣтъ, стало теперь моимъ: оно, быть можетъ, оказалось даже лучше того, чѣмъ я себѣ его представляла, испивая чашу наслажденія умственной работой. Выше ея нѣтъ ничего на свѣтѣ. Но не

всегда же можешь работать! Какъ много нужно условій, чтобъ пить эту чашу!

Настало лучшее время моей жизни: вся она сосредоточивалась въ тѣхъ тайнахъ, которыя я ежедневно раскрывала, и имъ какъ будто не предвидѣлось конца!

Чудесной и вмѣстѣ съ тѣмъ простой открывалась предъ мной область философіи: многое непонятное разъяснили нѣкоторые философы, а другіе такъ и остались непонятыми.

Прочитавъ 2, 3 стр., я чувствовала родственнѣе мнѣ или чуждѣе духъ; когда не затрогивалась моя собственная пылкость, книга бросалась. Мнѣ трудно читать продиктованное однимъ разсудкомъ, а нужна работа того, кто ищетъ самъ и не считаетъ философію лишь учебнымъ предметомъ. Пусть философъ, ошибается и себѣ противорѣчитъ—это не важно. Нужно только чтобъ онъ искалъ, и, раскрывая книгу, я очень скоро вижу, съ кѣмъ имѣю дѣло.

Письма мои къ отцу носили восторженный характеръ, и онъ, повидимому, начиналъ теперь понимать, что моя любовь къ философіи настоящее призваніе—то самое, что встрѣчается такъ рѣдко. Помѣшать итти по дорогѣ призванія не можетъ никакая земная сила, становилось теперь ясно умному человѣку, какимъ былъ мой отецъ. Если я его и любила горячо, то изъ-за этой любви не могла все же поступиться моимъ призваніемъ—это выходило за предѣлы моихъ силъ.

Помню живо, какъ мы свидѣлись съ отцомъ послѣ моего 1го 2 лѣтняго пребыванія за границей.

Это произошло въ Вѣнѣ.

— Останься со мной, просилъ онъ, когда я вошла въ его купе. Черезъ четверть часа поѣздъ отходилъ. Отецъ съ сестрой ѣхали въ Италию.

— А вещи?

— Какіе пустяки, только останься. И онъ обнималъ и цѣловалъ меня.

И когда поѣздъ исчезъ изъ вида, я бессмысленно бродила по улицамъ Вѣны и, казалось, что не для чего жить теперь, когда мы разстались.

Но вернусь къ Л. Итакъ, отецъ успокоился и больше не упрекалъ меня—зачѣмъ я бросила Ж. Да, бросила, разсталась навсегда съ милыми своими дѣвочками, которыхъ никогда больше не увижу. Но я не жалѣла, что бросила: знала, что иначе поступить я не могла.

Я все писала. Писать по-нѣмецки для меня несравненно труд-

нѣе, чѣмъ по-русски, съ четырехъ лѣтъ я и говорила на этомъ языкѣ, проходила по-нѣмецки же всѣ предметы въ пансіонѣ. Духъ языка мнѣ не такъ близокъ, а переводить я совсѣмъ не умѣю—это какая-то органическая неспособность. Когда писала о Плотинѣ, то думала по-нѣмецки. Вечеромъ показывала не совсѣмъ удачныя фразы студенту, большому пріятелю, сыну гувернантки. Онъ былъ на первомъ семестрѣ, изучалъ химію, но отличался вдумчивымъ отношеніемъ ко всему и быстро заинтересовался философіей. Мы сходились каждый вечеръ за русскимъ чаемъ: я рассказывала о Россіи, которую Е. Ф. очень любила, и студентъ расспрашивалъ. И я какъ-то не жила далеко отъ своей любимой родины—она воскресала передъ мной всякій вечеръ.

Быстро шли мѣсяць за мѣсяцемъ. Наступила весна. Съ ноября по май сидѣла я надъ Плотиномъ и написала не болѣе 3-хъ листовъ. Это казалось мнѣ теперь лучшимъ, что существовало у меня на землѣ. Каждая строчка стоила труда, надъ однимъ словомъ размышляла я иногда часами. Не было привычки къ такимъ работамъ, только одно рвеніе.

И съ горемъ рассталась я съ Плотиномъ.

Надо было оторваться и послать написанное въ Бернъ на судъ.

Прошелъ мѣсяць—то былъ такой же страшный мѣсяць, какъ время, когда я ожидала выборовъ въ Д. День казался годомъ, и когда миновалъ этотъ мѣсяць, за нимъ послѣдовало нѣчто, еще гораздо болѣе страшное.

Я не понимала, когда читала строки официальной бумаги: „Die Erkenntnisstheorie Plotin's verkannt“ (Ученіе Плотина о познаніи не понято, или понято невѣрно). Слово „verkannt“ глубоко врѣзалось въ мой умъ, и я сказала себѣ: „Ничего не могу, ничего не понимаю, ну, и брошу! Ни за что не возьму больше въ руки ни одной философской книги, *никогда не возьму!*“

И я продала все то, что можно было продать, убрала далеко то, что продавать было нельзя, а сама... отправилась на ферму подъ Л. доить коровъ. „Зачѣмъ тратить время на пустяки, займусь тѣмъ, что мнѣ подъ силу“, рѣшила я. И стала учиться на фермѣ сельскому хозяйству, винкая во всѣ его подробности. Все то, что я тогда дѣлала, казалось мнѣ очень важнымъ и серьезнымъ. Я благоговѣла передъ благоустройствомъ моей фермы, ея образцовыми хлѣвами, чистотой ведеръ и въ избыткѣ усердія, кажется, даже пила ненавистное мнѣ молоко.

Потомъ пріятельница-учительница увезла меня на о. Рюгенъ, гдѣ ея сестра была замужемъ за рыбакомъ. Они жили по-

крестьянски; мы обѣдали вмѣстѣ, при чемъ рыбакъ облачался въ сюртукъ; жена ѣла картофель руками и всячески хотѣла показать свое дѣйствительное опрощеніе и то, что она теперь рыбацка, хотя и дочь профессора Дерптскаго университета.

Какъ-то разъ я съ удивленіемъ замѣтила, что сижу за книгой, и книга эта философская. А въ другой прекрасный день проснулась съ тѣмъ, что ѣду въ Цюрихъ. Когда у меня являются неожиданныя мысли, я обыкновенно ихъ осуществляю— таково одно изъ правилъ моей жизни. Откуда эти мысли? Въ нихъ всегда заключается нѣчто таинственное, не поддающееся размышленію, и онѣ, такъ сказать, выше меня. Я имъ обязана лучшимъ, что у меня есть. Прозябаю изо дня въ день, не знаю, какъ устроить свою жизнь и вдругъ просыпаюсь и знаю, что надо дѣлать,—знаю безповоротно.

Итакъ, я дѣйствительно поѣхала въ Ц.

— Вполнѣ увѣренъ, что вы знаете больше того, что требуется для поступленія въ университетъ, но разъ вы кончили педагогическіе курсы, а не гимназію, вамъ необходимо держать вступительный экзаменъ, говоритъ улыбаясь ректоръ. Мы ни для кого не дѣлаемъ исключенія.

Я была слишкомъ застѣнчива, чтобъ объяснить ректору, что педагогическіе курсы выше гимназій, и среднее образованіе у меня есть, и... промолчала.

„А вступительный экзаменъ держать не стану“, такъ же упрямо и безповоротно рѣшила я, „вотъ уже ни за что не стану“!

Итакъ, предстояло одно—уѣхать изъ Ц.

Побродивъ по прелестному городу, полюбовавшись озеромъ, я черезъ 3 дня уложила вещи, но вдругъ мелькнула мысль:

„Узнаю у кого-нибудь мнѣніе о москѣ Плотинѣ,—такъ ли онъ плохъ, какъ это признали въ Бернѣ“?

Купила списокъ профессоровъ и остановилась на приватъ-доцентѣ Штейнѣ только потому, что онъ жилъ на той единственной улицѣ, которую я въ Ц. знала—Bahnhofstrasse.

Прихожу утромъ и спрашиваю:

— Можно васъ просить прочитать то, что я написала.

Молодой человѣкъ сухо и самодовольно киваетъ головой и отрѣзываетъ:

— Heute um 6 Uhr die Antwort (отвѣтъ сегодня въ 6 ч. в.).

„Вотъ такъ скоро, не по-нашему, недоумѣваю я и прихожу „um 6 Uhr“.

Молодой человѣкъ измѣняется: онъ встрѣчаетъ меня необыкновенно радушно.

— Вы еврейка?

— Нѣтъ, русская, разочарываю я его.

— Чисто русская?

— Чисто русская.

— Но какъ вы хорошо знаете по-нѣмецки.

— Что же работа? на этотъ разъ съ нетерпѣніемъ спрашиваю я.

— Запишитесь къ намъ въ университетъ, и черезъ 3 семестра вы докторъ. Работа прекрасна.

А я опять молчу! Не хочу сказать, что меня не приняли въ студентки, молчу... и уѣзжаю.

Ѣду въ Л. и черезъ 8 мѣсяца получаю извѣстіе, что сестра выходитъ замужъ. Отецъ проситъ меня жить съ нимъ.

И когда я прѣѣзжаю въ П., со мной Плотинъ: онъ напечатанъ. Привожу еще одну мысль, вынесенную изъ разговора съ проф. Геблеромъ.

— Написали бы вы о Кантѣ въ русской философіи, предложилъ мнѣ разъ этотъ вдумчивый философъ-аскетъ.

Его слова заставили меня задуматься надъ русской философіей вообще. Когда она началась? Что въ ней, собственно говоря, сдѣлано?

Какъ это узнать?

Въ П. я засѣла за чтеніе „Исторія Россіи“ Соловьева и сдѣлала нужныя мнѣ выписки и ссылки на рукописи, которыя меня заинтересовали, и рѣшила рукописи эти прочитать.

И вотъ теперь, что я жила съ отцомъ, то все думала объ этой своей мысли. Не клеилась наша совмѣстная жизнь: насъ теперь раздѣляли не только взгляды на женскій вопросъ, но 7 лѣтъ моей самостоятельной жизни, это мое свое, окрылившееся и уже имѣвшее корешки.

Живя съ отцомъ, я по-прежнему принимала близко къ сердцу его свое, но теперь оно меня гораздо больше мучило, чѣмъ удовлетворяло. А мое гибло отъ этой совмѣстной жизни, и, дотянувъ до осени, я рѣшила переселиться въ М.

Со свойственнымъ отцу благородствомъ онъ даетъ мнѣ 100 руб. въ мѣсяць, и, какъ мнѣ ни совѣстно ихъ брать, не давая взамѣнъ ничего, я нанимаю квартирку, иначе я не могу.

Въ Румянцевскомъ музеѣ передъ мной открываются сокровища—то все философскія рукописи.

— Что вы такое нашли?—спрашиваетъ проф. Н. Я. Гротъ, приходя ко мнѣ въ бібліотеку (когда-то мы брали вмѣстѣ уро-

ки танцевъ и онъ и теперь продолжаетъ относиться ко мнѣ по товарищески).

Я нашла такъ много, что не успѣваю вздохнуть и все читаю и читаю. Открытіе мое заключается въ томъ, что въ Россіи существовала философія, и только этимъ вопросомъ никто до сихъ поръ не интересовался и не далъ себѣ труда разобратъ памятники.

Разбирать ихъ не такъ-то легко: надо нѣсколько освоиться съ палеографіей. Я скоро научилась читать бѣгло и проводила въ Румянцевскомъ музеѣ все время, что было открыто рукописное отдѣленіе, отъ 11—3 ч. По приходѣ домой приводила въ порядокъ свои записи и надъ ними размышляла.

Нашлось еще дѣло: я вздумала прочесть публичную лекцію „о значеніи Канта“ и дала просмотрѣть Н. Я. Гроту то, что написала.

— Годится?

— Годится, сказалъ онъ, это лекція такая, какъ наши университетскія.

А черезъ нѣсколько дней онъ пріѣхалъ и просилъ меня не читать этой лекціи.

— Вѣдь вы же ее нашли пригодной, почему же не читать?

— Видѣлъ вашего отца, и онъ этого не хочетъ.

Я разсмѣялась.

— Повѣрьте, что отецъ первый порадуется, если только будетъ успѣхъ.

Наступилъ день лекціи—26 января 1888 г. Неутѣшной была моя пріятельница, сосѣдка по деревнѣ и другъ дѣтства. Ея домъ олицетворялъ для меня цѣлый міръ. Въ этомъ домѣ сосредоточилась жизнь очень многихъ людей—то былъ островъ любви, согласія и терпимости, [и я всей душой была привязана къ этому мірку.

— На вашей лекціи никого не будетъ, объявилъ мнѣ мужъ пріятельницы, но за то я пришлю всѣхъ своихъ приказчиковъ изъ магазина—человѣкъ 10, хорошо?

Онъ говорилъ полушутя, полусерьезно.

— Ну, что же, отвѣчала я, лучше, если будетъ меньше, вѣдь зала маленькая.

Когда я брала эту залу, то просила:

— Пожалуйста, поменьше освѣщайте. Въ темнотѣ, думалось мнѣ, будетъ не такъ страшно. Публикацію я сдѣлала только одну. Лекцію эту я читала не для публики, а для себя, чтобы себя провѣрить. Входъ былъ, само собой разумѣется, бесплатный.

Остается только день до лекціи, когда пріѣзжаетъ ко мнѣ пріятельница и умоляетъ:

— Брось, не читай, сдѣлай мнѣ удовольствіе, если меня любишь. Представь, что будетъ, если ты провалишься. Оставь, вѣдь, это глупость!

Я знаю, что это глупость, страшная глупость, не сплю 10 ночей отъ волненія, но все же читаю. Вся моя жизнь сосредоточивается теперь въ томъ, что я читаю. Почему мнѣ это нужно— я не отдаю себѣ отчета, но чувствую, что не могу жить, если не читаю.

Наступаетъ вечеръ. По наружности я все дѣлаю, какъ всегда, пусть и испытываю такую нервную дрожь, что съ трудомъ могу взять что-либо въ руки.

Со мной ѣдетъ не пріятельница (она объявила, что уйдетъ въ самый задній рядъ, чтобъ быть подальше), а знакомая, которая мило со мной бесѣдуетъ и увѣряетъ, что я должна быть очастлива, и ей бы хотѣлось со мной помѣняться. Слушаю ее, какъ во снѣ.

Пріѣхали. Вся передняя Политехническаго музея увѣшана шубами.

— Кто читаетъ еще? храбро спрашиваю я сторожа.

— Никто.

Прибѣгаетъ Гротъ и объявляетъ, что лекція будетъ въ большомъ залѣ.

— Не могу въ большомъ, — упрямо и испуганно повторяю я.

Мнѣ ни разу не приходилось до сихъ поръ читать даже въ маленькомъ кружкѣ. Какъ могу я рѣшиться войти передъ сотнями людей! (Ихъ было больше 600). Но другого исхода нѣтъ. Публика заняла вплотную большой залъ, на который я даже не взглянула, когда брала маленькій.

И когда я, какъ преступникъ, пригвожденный какъ къ столбу, сижу и читаю Канта, предъ мной чудовище, готовое меня поглотить, а я одна, маленькая и ничтожная, отдана ему на съѣденіе.

Знаю одно, что пока я читаю, чудовище меня не тронетъ, но наступитъ моментъ, что я кончу! Съ ужасомъ замѣчаю, что какъ ни длинна лекція (она продолжалась больше часа), приближается конецъ: страницъ остается все меньше и меньше.

Что тогда дѣлать?

Приходитъ моментъ конца. Чудовище волнуется, мнѣ хлопаютъ; уѣзжаю и вижу вездѣ сочувствіе.

Пріѣзжаю къ друзьямъ: тамъ то же самое. И ничему этому я не вѣрю. Когда на другой день хочу выйти на улицу, то

боюсь встрѣтить студента. Онъ слушалъ эту лекцію и разсмѣется мнѣ въ глаза. Такое состояніе продолжается 8 дня, пока не читаю рецензіи въ „Рус. Вѣд.“, и тогда только нѣсколько успокаиваюсь.

„Почему меня хвалятъ“? въ состояніи я теперь разсуждать. Вѣдь только за дилетантизмъ. Чуть стану опаснѣе, хвалить перестанутъ. Это все тотъ же Влад.

И твердо рѣшаю ѣхать въ Ц. и поступить въ университетъ.

Читаю еще одну лекцію „О древнѣйшемъ памятникѣ славяно-русской письменности“. Публики немного, но читаю за деньги.

Осенью ѣду въ Цюрихъ.

Да, забыла сказать объ отцѣ.

Послѣ лекціи о Кантѣ онъ не только написалъ мнѣ восторженное письмо, но купилъ „Рус. Вѣд.“ и разослалъ роднымъ. Это меня глубоко тронуло. И опять то была побѣда женщины надъ мужчиной.

Но вотъ я опять въ прелестномъ Ц., и на этотъ разъ пишу, что кончила гимназію. Меня принимаютъ безъ затрудненій, и съ гордостью называю я себя stud. phil. Это званіе самое дорогое, что есть у меня теперь въ жизни.

Давившая меня химера, которую я такъ долго таскала за плечами, сброшена, но она осуществлена. Пусть мнѣ 30 лѣтъ, я студентка, и лучше поздно, чѣмъ никогда.

Какъ въ туманѣ брожу я по дѣйствительно красивому городу и нахожу все прекраснымъ. Нанимаю комнату, которая мнѣ необыкновенно нравится, хотя она почти безъ мебели и скорѣе *chambre dégarnie*, а не *garnie*; къ тому же въ ней страшно холодно, какъ я ни топлю, тратя франкъ въ день, что большая роскошь, въ особенности для студентки.

Но вѣдь у меня 100 р. въ мѣсяцъ—большая сумма для студентки. Могу купить сколько угодно книгъ, хотя къ моимъ услугамъ двѣ бібліотеки—городская и университетская. У меня очень добрая хозяйка, и у нея голодные дѣти, которыя радуются моимъ грошамъ.

И какъ я начинаю заниматься! Лейпцигское рвеніе ко мнѣ возвращается. Задумываю сочиненіе о Лейбницѣ и Локкѣ, хочу обратить вниманіе на эмпиризмъ Лейбница и догматизмъ Локка, когда же обратилась къ старичку профессору Киму, ученику Тренделенбурга, узнаю, что онъ читалъ моего Платина. Я сконфужена, такъ какъ не собралась еще прочитывать то, что написалъ профессоръ. Какое вниманіе по отношенію къ учащимся!

И дѣйствительно, взаимоотношенія профессоровъ и студентовъ

цѣлая идиллія. На нашъ адресъ одному изъ профессоръ по случаю его 25-лѣтія каждый получаетъ благодарственный циркуляръ съ собственноручною его подписью.

Въ университетѣ вывѣшены пріемные часы профессоръ на дому, и обращеніе со студентами таково, какъ съ младшими товарищами.

Я бываю впрочемъ у одного Лудвига Штейна, своего стараго знакомаго: онъ прекрасно читаетъ и пользуется большою популярностью.

Авенариусъ меня пугаетъ своею насмѣшливостью, и послѣ многихъ сборовъ я такъ и не рѣшаюсь у него побывать.

Три мѣсяца проходятъ въ непрерывныхъ занятіяхъ: читаю, пишу и ни съ кѣмъ не говорю.

Мои лекціи посѣщаются лишь иностранными студентами, которые „дамъ“ сторонятся. По нѣмому соглашенію они предоставили намъ переднія скамейки, и только случайно опоздавъ, кто-нибудь изъ нихъ садится къ намъ на кончикъ; подойдетъ съ просьбой одолжить ручку или скажетъ, что профессоръ сегодня на лекцію не прійдетъ: вѣжливо раскланивается на улицѣ, снимая шляпу или цвѣтную фуражку. Больше мнѣ ничего не было нужно, и я не вступала въ разговоръ. Если случалось, что студенты свистали и шумѣли (но совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Лейпцигѣ), я дѣлала видъ, какъ будто ничего не замѣчаю, и наши добрыя и далекія отношенія никогда не нарушались.

И вдругъ на одну лекцію Штейна является цѣлая компанія студентовъ; они садятся рядомъ со мной, и я слышу, что они разговариваютъ другъ съ другомъ по-русски.

Три мѣсяца я не слышала русскаго слова, и не могу скрыть, что понимаю.

По окончаніи лекція одинъ изъ нихъ обращается уже прямо ко мнѣ:

- Читали вы Штейна о стойкахъ?
- Эта книга у меня есть.
- Не могли бы вы ее дать?
- Конечно, могу.

И онъ идетъ со мной, приходитъ въ *chambre dégarnie* и садится за круглый столъ.

А когда онъ удаляется, я обращаюсь къ хозяйкѣ съ тѣмъ — нельзя ли запереть нашу входную дверь? Хозяйка обѣщаетъ. „Студентъ этотъ, конечно, анархистъ“, соображаю я, вспоминая его нѣсколько растрепанный видъ, рѣвкія движенія, высокіе сапоги.

Дверь наша пребываетъ раскрытой, студентъ приходитъ и показываетъ мнѣ кинжалъ. Онъ никогда не расстаётся съ кинжаломъ, потому что анархистъ!

Что теперь дѣлать?

Призракъ, пугавшій всю жизнь отца, обращается для меня въ дѣйствительность.

Я прошу студента придти безъ кинжала. Онъ общается, и вмѣсто кинжала съ нимъ теперь товарищи. За столомъ сидятъ цѣлыхъ 3 анархиста, и мы мирно бесѣдуемъ.

Я смѣюсь надъ ихъ анархіей, и они не обижаются и въ свою очередь называютъ меня бабушкой.

Мнѣ теперь ни по чемъ анархисты.

Весело проводимъ мы воскресенья; устраиваемъ катаніе по озеру (на этомъ всегда и настаиваетъ одинъ, который очень жалѣетъ свои сапоги) или гуляемъ по окрестностямъ, при чемъ совсѣмъ забываемъ свои различныя политическія убѣжденія.

И теперь я уже не одна, а съ добрыми товарищами. Штикгольтъ даже уговариваетъ меня записаться въ университетскую читальню, такъ какъ я жалуясь на сумбуръ въ русской: шумять, уносить газеты, рвать ихъ на части, просто невозможно тамъ бывать.

Въ университетской, напротивъ, царитъ глубокое молчаніе: газеты и журналы находятся на опредѣленныхъ мѣстахъ и невредимы. Правда, что студенты, когда жарко, снимаютъ сюртуки, но это неприличіе, которое въ Швейцаріи считается приличіемъ. Такъ мнѣ пришлось видѣть мирового судью въ камерѣ безъ сюртука.

Оказывается, что я единственная студентка—членъ читальни, и мнѣ присылаютъ повѣстки на собранія, которыя я не посѣщаю.

Быстро идетъ время, и на Святой я уѣзжаю въ Вѣну. Провожая меня, Шт. спрашиваетъ:

— Не нужно ли вамъ франковъ?

Я какъ-то ухитрилась размѣнять все на гульдены, но взять у него все же не хочу, какъ ни трогаетъ меня его заботливость.

И когда я черезъ 3 недѣли возвращаюсь, то узнаю о событіи, которое поразило городъ. Русскіе студенты бросили недалеко отъ университета на Дюрихбергѣ бомбу и, если никто и не раненъ, все же жители возмущены. Виновники сидятъ въ тюрьмѣ, у всѣхъ русскихъ учащихся былъ обыскъ.

— Что же у меня нашли? спрашиваю я хозяйку.

— О, я не позволила трогать вашихъ вещей, полиція провела бы беспорядокъ, гордо отвѣтила моя тихая хозяйка.

— Такъ они васъ и послушались? смѣялась я.

— Конечно, послушались.

Мои студенты не приходятъ.

— Что бы это означало? спрашиваю я хозяйку.

— Надо вамъ узнать на ихъ квартирѣ.

Оказывается, что студенты арестованы и всѣ ихъ вещи въ полиціи, въ томъ числѣ и мое сочиненіе о Лейбницѣ и Локкѣ. Полиція мнѣ его такъ и не вернула.

Прошло двѣ недѣли, когда въ комнату входитъ Шт. и, не здороваясь, кричитъ:

— Дайте водки!

— Что съ вами? спрашиваю я съ удивленіемъ. Откуда у меня водка?

— Тюрьма не дѣлаетъ человѣка лучше! — прибавляетъ онъ тише. Если бъ вы знали, какъ эти либеральные швейцарцы съ нами обращались? Развѣ это было бы возможно въ Россіи!

И какъ мнѣ ни жаль Шт., я радуюсь, что онъ сказалъ доброе слово о Россіи.

Онъ рассказываетъ, что ихъ посадили подъ крышу, гдѣ невообразимо пекло—можно было задохнуться, и вовсе не кормили—надо было покупать ѣду на свои деньги.

— Да что вы-то сдѣлали? я же ничего не знаю!

— У меня нашлась книга, принадлежавшая тому, кто бросилъ бомбу.

— И больше ничего?

— А теперь высылаютъ изъ Швейцаріи, объявляетъ онъ мрачно уставившись въ полъ. Я возьму вашъ чемоданъ, прибавляетъ онъ, оживившись. Мой не годится.

— Возьмите, но и мой плохъ, соглашаюсь я.

И черезъ нѣсколько дней Шт. съ чемоданомъ совсѣмъ исчезаетъ изъ моей жизни, а не только уѣзжаетъ изъ Ц. Никогда больше не встрѣчаю я этого милаго мальчика и не знаю, что съ нимъ потомъ случилось.

Семестръ кончается, и я сама навсегда расстаюсь съ Ц. и со своимъ студенчествомъ.

Уѣзжаю въ Л., а потомъ въ П. Въ Дмитровѣ умираетъ 29-го августа отецъ. Я съ нимъ 10 дней, и мы расстаемся уже навѣки.

Больше учиться я не могу. Для этого нѣтъ теперь денегъ—приходится оставаться въ Россіи и заниматься совсѣмъ другимъ.

М. Безобразова.